

А. М. Кайгородов

РУССКИЕ В ТРЕХРЕЧЬЕ

(ПО ЛИЧНЫМ ВОСПОМИНАНИЯМ)*

В силу своей отдаленности от промышленных и культурных центров Маньчжурии Трехречье осталось в стороне от внимания историков, географов и этнографов. В китайских исследованиях, посвященных автономному району Внутренняя Монголия (Барге), в состав которого входит теперь Трехречье, этот район или вовсе не упоминается, или характеризуется крайне поверхностно. На русском языке более или менее подробное описание Трехречья можно найти только в «Географических очерках Маньчжурии» В. А. Анучина.

В данном очерке я не ставлю перед собой задачу научного описания Трехречья, его истории, географии и экономики. Я попытаюсь рассказать читателям об этом интересном, с этнографической точки зрения, но малоизвестном районе Маньчжурии как человек, который долгое время там жил и лично наблюдал жизнь его населения.

Район Трехречья (по-жит. Саньхэ цюй), т. е. область трех рек — Гана, Дербула и Хаула — расположен в северной части Внутренней Монголии в пределах Хулунбуирского нагорья и, по сведениям известного исследователя Барги В. А. Кормазова, занимает площадь примерно в 11 500 км.

Все три реки берут начало в северо-западных отрогах Большого Хингана и общим руслом впадают в Аргунь с ее правой стороны (напротив советского поселка Старый Цурухайтуй). Самая большая из рек, Ган, имеет протяженность около 200 км, Дербул — примерно 150 и Хаул — около 130 км. Каждая из рек примерно половину своего пути течет в гористой местности, покрытой таежными лесами. В среднем течении рек тайга постепенно переходит в лесостепь, горы становятся низкими и отлогими, долины расширяются. Районы нижнего течения рек представляют холмистую степь, лес сохраняется только по руслам рек.

Красоту природы Трехречья неизменно подчеркивали все, кто приезжал туда. Особенно прекрасна природа края в лесостепной полосе, где она по-своему хороша в любое время года.

Забайкальские казаки, главным образом приаргуньских станиц, посещали эти места с незапамятных времен. Летом они приезжали сюда заготавливать сено, а зимой жили со скотом на заимках. Верховья Дербула, Хаула и Гана, реки Маректа и Быстрая с их многочисленными притоками были излюбленным местом пушного и изюбриного промысла забайкальских охотников. Следы русских заимок и охотничьих зимовий прошлого века вплоть до последнего времени в Трехречье не были редкостью.

Характерно, что ни в Трехречье, ни по Быстрой, тяготеющей к нему, не было ни одного населенного пункта, реки или озера с китайским названием. Все названия были исключительно русские или эвенкийские. В качестве неоспоримого примера приведу Дербул и Быструю. Названия притоков Дербула (от истоков к устью) были следу-

* А. М. Кайгородов — не этнограф, но публикуемый очерк, как и его статья «Эвенки в Трехречье» («Сов. этнография», 1968, № 4), может представить интерес для читателей нашего журнала. — *Ред.*

ющие: Медвежья, Ернишная, Берея, Отстойная, Чертова яма, Гаревая, Сикичен, Тилинбин, Пехало, Карагая, Листвянка, Кораблик, Карбелы, Макарова падушка, Дербукан. Дербукан — крупнейший приток Дербула, его притоки носили следующие названия: Кокорка, Кучер, Алгача, Сосновка. Бармина, Монгоча, Жолондо, Ольховая, Жологда, Зэргун, Озерная, Копкоча, Широкая, Дахта, Лугича, Каменушки, Ороченка, Жигдача, Кайгородов лог, Кандалин, Змеинный луг. По Дербулу, ниже слияния его с Дербуканом, названия речек были следующие: Воздымаловка, Березиха, Дубовка, Острешная, Солонешная, Грамаки, Шивея, Суслиха, Баржакон, Волчья, Лапцагор, Сиротуй.

Притоки Быстрой назывались так: Кун, Селимокан, Тыдэмкан, Желевая, Листвяная, Кирича, Элгэн, Джин, Кулинда, Такша, Окольной, Оешуг, Верхняя Улугича, Манкуй, Бермякан, Нижняя Улугича, Ернишная, Чимкурай, Кочевая, Матюшкина, Онёни, Санковича, Летаргин, Зэргун, Кырэн, Россыпная, Кокшориха, Жилинда.

Такая же картина наблюдалась и по руслам других рек, с той лишь разницей, что, например по Гану, некоторые места носили ороченские названия.

Согласно архивным историческим материалам о поездке в Китай специального посольства во главе с Игнатием Миловановым (1670 г.), проследовавшего из Нерчинска через Трехречье, известно, что в этом районе тогда кочевали баргуты «Мугальского царя Чеченка». Однако по рассказам русских старожилов Трехречья, в 1880-х годах этот край был совершенно безлюдным, если не считать нескольких отстоящих друг от друга на большом расстоянии заимок. И только в начале 1890-х годов стали появляться первые русские хутора: по Дербулу — Щучья и Тулунтуй, по Гану — Лабдарин. К началу первой мировой войны названные деревни насчитывали уже по несколько десятков дворов, появились новые хутора.

В 1920-е годы — период массового расселения русских в Трехречье — наиболее интенсивно заселялся бассейн Дербула. За короткий срок здесь выросли деревни Дубовая, Ключевая, Тулунтай, Караганы, Попирай, Щучья. Быстро заселялся и бассейн Гана. Здесь появились русские деревни Покровка, Усть-Урга, Усть-Кули, Лабдарин, Челотуй, Светлый Колуй. Целый ряд деревень вырос и по притокам указанных рек: Верх-Урга (основание которой относится чуть ли не к середине 1880-х годов), Верх-Кули, Лапцагор, Баржакон, Нармакчи и Драгоценка, впоследствии ставшая центром района. Уже в 1940-х годах в верховьях Гана вырос еще один русский поселок, Ширфовая, заселенный почти целиком переселенцами из китайской приаргунской дер. Цигань. По Хаулу русских деревень не было, если не считать трех-четырех заимок в низовьях реки да нескольких русских семей, которые проживали в Караванной, заселенной в 1930-х годах преимущественно китайскими семьями.

Наряду с деревнями, в тайге и степной полосе Трехречья было много русских заимок и охотничьих зимовьев. Так, по Дербулу русские заимки находились в устье Тилибина по Карагае, под Карбелами, в Вакараче, в устье Урюпиной падушки. По Дербукану — в Сосновке, Алгаче, устье Озерной, Копкоче, Дахте, Каменушке, Кайгородовом лугу, в устье Дербукана.

Заимка обычно состояла из одного-двух зимовий с банькой, окруженных дворами и сеновалами. Там постоянно или временно проживало несколько человек, которые ухаживали за скотом. В зимнее время там подолгу останавливались охотники.

Русское население Трехречья росло за счет переселенцев не только с Аргуни, но и из других мест Барги, пристанционной полосы КВЖД, а также из таких городов, как Хайлар, Маньчжурия, Харбин. К концу 1930-х годов оно насчитывало примерно 8 тыс. чел., а в 1945 г. составляло не менее 11 тыс. чел.

По рассказам русских старожилов Трехречья, впервые они увидели китайцев в 1902—1903 гг., когда на правом берегу Аргуни (напротив русской деревни Усть-Уров) появился китайский поселок Цигань. К 1910 г. по правому берегу Аргуни в ряде мест появились небольшие китайские поселения, населенные почти целиком мелкими торговцами, которые вели контрабандную торговлю с русскими из левобережных приаргунских деревень.

Непосредственно в Трехречье китайцы впервые появились в 1925 г. До недавнего времени большинство их составляли торговцы, держатели харчевен и постоялых дворов, портные, сапожники, парикмахеры и только небольшая их часть занималась огородничеством, выжигом угля, смолокурением, выделкой кож, кузнечным и слесарным делом.

Китайское население Трехречья росло гораздо медленнее русского и вплоть до 1955 г.—года массового выезда советских граждан из Трехречья—составляло здесь незначительное меньшинство. Суровость трехреченских зим, непривычная даже для китайцев центральной Маньчжурии, задерживала их переселение в эти края, несмотря на то, что здесь было много свободных земель, пригодных не только для возделывания зерновых культур, но и для выращивания овощей и даже бахчевых.

Подавляющее большинство китайцев (из общего числа 1000—1100 человек) проживало в Драгоценке (Саньхэ). В остальных деревнях их было по несколько семей, за исключением Караванной, где насчитывалось около 30 китайских дворов.

Рис. 1. Русский охотник-промысловик из деревни Дубовая. Верховья Быстрой, 1929 г. Одежда охотника: эвенкийская дашка, арамузы и мокасины. На поясе—шкурки убитых белок

Небезынтересно отметить, что китайцы, составляя меньшинство в Трехречье, восприняли различные стороны русского быта: в жилище, одежде, пище, в методах ведения хозяйства. Особенно это относится к тем китайским семьям, которые проживали не в Драгоценке. Планировка избы и хозяйственная утварь у них были такие же, как у русских. Подобно русским, они носили ичиги и унты, одежду русского покроя. Многие справляли русские православные праздники. Почти все китайцы носили русские имена или прозвища, от мала до велика хорошо говорили по-русски. Многие китайские поселенцы были женаты на русских женщинах. Их дети получали скорее русское, чем китайское воспитание.

Третью значительную группу населения Трехречья до 1945 г. составляли японцы, появившиеся в крае в 1932 г., когда Маньчжурия была провозглашена «независимым» государством Маньчжоу-го. Большинство японцев были военными и чиновниками государственных учреждений. В Драгоценке был расквартирован небольшой гарнизон Квантунской армии. Гражданские японцы были служащими различных учреждений, советниками при маньчжурских чиновниках, коммерсантами, препода-

вателями японского языка в школах. В 1945 г. все без исключения японцы были выселены из пределов Трехречья.

В степной полосе Трехречья кочевало несколько монгольских и бурятских семей. Там они пасли свои стада, а также скот, принадлежавший русским. Некоторые буряты зимой нанимались к русским для ухода за скотом на заимках.

По Гану и его притокам (главным образом по Туре) кочевали ороченцы, изредка выходя к русским деревням за товарами и охотничьим снаряжением.

В верховьях Дербула, его притока Дербукана и Гана охотились эвенки. Однако излюбленным местом их охоты была р. Быстрая с ее многочисленными притоками—места, наиболее богатые пушным зверем. Для пополнения запасов продовольствия и снаряжения эвенки несколько раз в году выходили к пос. Дубовая.

Русские деревни Трехречья по числу жителей были неодинаковыми, однако в их планировке и внешнем облике было много общего. Деревни, как правило, состояли из нескольких прямых и широких улиц. Деревянные рубленые избы, крытые драньем или берестой (очень немногие—тесом), фасадом выходили во двор и отделялись от внешнего забора небольшим палисадником. Изба нередко располагалась в глубине двора и очень редко выходила окнами непосредственно на улицу. Вход в избу был со двора и шел через глухие сени, к которым была пристроена небольшая кладовка. Иногда изба сенями соединялась с зимовьем или амбаром.

Изба обычно состояла из одной большой комнаты, разделенной деревянной перегородкой на кухню и жилую часть, которая одновременно служила столовой и спаль-

лей. В больших избах помещение разгораживалось перегородками на несколько комнат, а в деревнях, расположенных ближе к лесу, было немало больших пятистенных домов. Во многих деревнях встречались мазанки и землянки, а у китайцев — саманные и глинобитные постройки.

Непременным атрибутом каждой избы была большая русская печь и плита с обогревателем. В пятистенных домах ставили по две плиты или клали печи-голландки. Пол был деревянный, крашенный охрой (очень редко земляной), стены оштукатурены и побелены известью. Весной и летом во многих семьях было принято устилать полы свежей травой. Трава лежала на полу один-два дня, создавая в избе особый аромат. В избах и зимовьях с земляным полом, если там заводились блохи, пол мазали коровьим пометом.

Непосредственно к избе, обычно с задней ее стороны, примыкал огород. Усадьбы, как правило, были большими и огораживались чаще плетнем (реже драньем или тыном). На территории усадьбы, кроме избы, были амбары, сараи, зимовье, русская баня (по-черному), курятники и нередко летняя кухня с русской печью и плитой. Около одного из заборов с его внутренней стороны висели поленницы дров; на перекладинах под крышей избы или сараев висели березовые или дубовые банные веники, а посередине двора (в зависимости от сезона) стояли телеги или сани. Больших садов не было, но несколько деревьев черемухи, дикой яблони или тополя росли около каждой избы. В огородах сажали всевозможные овощи (картофель — обычно в поле), которые в Трехречье давали обильные урожаи.

Теплых помещений для скота не строили, ограничиваясь сооружением примитивных укрытий от ветра и снега. Крытых риг и помещений для хранения сена тоже не строили, так как его заготавливали в громадном количестве. Телят и ягнят, если они появлялись рано, в холодную погоду, укрывали в зимовье или прямо в избе. Кур в очень многих хозяйствах держали всю зиму в жилом помещении, делая для них загородку под русской печью или в заднем углу.

Рис. 2. Фрагмент избы русского поселения в Трехречье. Деревня Дубовая. 1936 г.

Рис. 3. Крестьянская семья. Деревня Дубовая. 1931 г.

Административным, культурным и торговым центром Трехречья была Драгоценка — самый большой населенный пункт района. Центральное положение Драгоценки, ее прямая связь грунтовыми дорогами со всеми деревнями Трехречья и Хайларом обусловили ее быстрый рост как торгового центра со множеством мелких китайских лавок, торгово-промышленным филиалом фирмы «Чурин и К°», отделением магазина Брусенцев, филиалами японских торговых фирм «Хаяси канэ», «Томо боеки коси», «Мансю тихуса кабусики кайся». Фирме Чурина в Драгоценке, кроме большого магазина, принадлежала паровая вальцовая мельница и ремонтно-механические мастерские.

Торговые филиалы Чурина и японских фирм были универсальными и, кроме торговли потребительскими товарами, снабжали население сельскохозяйственным инвентарем и машинами за наличный расчет и в кредит. Уже с самой весны крестьянин мог закупать необходимые товары в кредит под будущий урожай. Почти во всех магазинах за товары можно было платить не только деньгами, но и зерном, и пушниной а в китайских лавках — и куриными яйцами.

В 1944 г. в Драгоценке проживало около 3000 человек (без японского гарнизона) из них русских — примерно 1500, китайцев — 900—1000, японцев — 500. Здесь размещались губернское управление, полицейское и жандармское управления, отделение японской военной миссии, главное лесничество, казачье станичное управление и другие учреждения. В Драгоценке находились единственная в Трехречье русская восьмилетняя школа, китайская школа и больница с хирургическим отделением. До 1945 г. здесь имелась метеорологическая станция.

При японцах Драгоценка считалась городом и называлась Найрумту. Город делился на три части. Самую большую из них населяли русские. Почти все китайцы жили по одной улице, застроенной глинобитными фанзами с небольшими двориками и узкими переулками. Здесь были сосредоточены китайские лавки, харчевни, публичные дома, швейные и сапожные мастерские. Во время дождей улицы становились совершенно непроходимыми от грязи.

Наиболее благоустроенная часть города состояла из больших каменных и кирпичных зданий, в которых размещались официальные учреждения и общежития для японцев. Здесь же находились небольшие коттеджи для японских и русских чиновников. Эта часть была хорошо озеленена и всегда выглядела чисто и нарядно. Однако во время войны именно она сильно пострадала. В 1952 г., когда я в последний раз проезжал через Драгоценку, этот район выглядел пустынно, здесь не сохранилось ни одного деревца.

Вторым по величине населенным пунктом Трехречья была деревня Верх-Кули, расположенная в 40 км от Драгоценки по Хайларскому тракту. Русское население ее насчитывало около 1500 человек. Кроме того, там проживало примерно 30 китайцев. Превосходные сенокосные и пастбищные угодья благоприятно сказались на развитии скотоводства, в первую очередь молочного. В Верх-Кулях имелись маслодельные и сыроваренные предприятия. Между прочим, Верх-Кули были единственной деревней в Трехречье, где многие хозяйства, наряду с лошадьми, крупным и мелким рогатым скотом, держали верблюдов.

В деревне была школа, две церкви (православная и старообрядческая). Китайцы содержали три лавки, две харчевни, постоялый двор. В Верх-Кулях имелись отделения японских торговых фирм «Хаяси канэ» и «Томо боеки коси». В 12 км от Верх-Кулей по дороге в Хайлар находился поселок Нармакчи, населенный исключительно русскими. Примерно здесь проходила граница Трехречья. В 15 км от Нармакчей в сторону Хайлара располагался первый (со стороны Трехречья) китайский постоялый двор Кучкур.

Третьим наиболее значительным по величине населенным пунктом Трехречья была деревня Дубовая. В 1945 г. здесь проживало 1100 русских и около 20 китайцев. Деревня расположена в самом живописном месте района на высоком левом берегу Дербула, вода которого кристально чиста. На реке много галечных кос, живописных островов и проток. Берега ее густо поросли черемухой, ольхой, дикой яблоней, боярышником, тополем, ивой. За рекой простираются луга, за ними высятся горы, склоны которых сплошь вспаханы под пашню, а еще дальше виднеются хребты, покрытые густыми лесами. Небольшой речушкой Дубовкой поселок делится на две части.

В Дубовой была начальная школа, небольшая церквушка, молочный завод и несколько водяных мельниц. Соседство тайги наложило свой отпечаток на хозяйственную

деятельность населения деревни. Хотя земледелие и было основным занятием, тем не менее здесь, как ни в одной другой деревне, охота играла очень важную роль. Основная масса пушнины, пантов, которые вывозились за пределы Трехречья, закупалась именно в Дубовой. Многие жители деревни вели меновую торговлю с эвенками. Да и урожаи в этой деревне, как правило, бывали выше, чем в других деревнях.

Основными занятиями русского населения Трехречья были земледелие и скотоводство. Обилие земель, пригодных для вспашки, а также прекрасные сенокосные и пастбищные угодья благоприятствовали развитию этих отраслей. Наблюдалась своеобразная специализация: в деревнях, расположенных ближе к лесу, предпочтение отдавали хлебопашеству, в степной полосе — скотоводству.

В целом, однако, сельское хозяйство района было экстенсивным. Оно велось по старинке, без какой-либо научной основы. Не было ни агрономов, ни ветеринарных врачей (кроме Драгоценки, где имелся ветеринарный пункт). Удобрение полей не практиковалось.

В Трехречье наблюдалась ярко выраженная имущественная дифференциация, широко применялся наемный труд. Работники (так именовали в Трехречье наемную силу) нередко использовались в таких кулацких хозяйствах, которые располагали тракторами, молотилками, сноповязами, сенокосилками и другими машинами. Работники нанимались на сельскохозяйственный год (обычно с пасхи до покрова) или же посезонно, т. е. на период отдельных полевых работ, например сенокоса, посевной, уборочной. Богатые скотоводы «низовых» деревень на время сенокоса, как правило, нанимали по несколько работников, в «верхних» деревнях наемная сила широко использовалась во время страды. В период обмолота нанимали поденщиков. В зимний период наемной силой пользовались меньше — главным образом для ухода за скотом на отдаленных заимках. В богатых семьях обычно держали стряпух (стряпок) и мальчишек-подростков, которые во время полевых работ использовались для езды на упряжных лошадях (пристезжники). Труд работников обычно оплачивался натурой.

Сеяли пшеницу, ячмень, овес, гречиху, а также рожь. Тягловой силой служили быки и лошади. Тракторов было мало, да и те в силу высокой цены на топливо и масло выгоднее было использовать не на вспашке, а на обмолоте хлебов.

Если весна бывала ранняя и дружная, то на посев выезжали в конце апреля, дождливая и холодная весна отодвигала начало сева до первых чисел мая. В первую очередь спешили засеять залог (землю, впервые вспаханную в предыдущее лето) или пар. Затем приступали к вспашке или дискованию перелога (пашня, с которой собран только один урожай) и, если этих двух пашен бывало недостаточно, распахивали залежь или «третий хлеб» (землю, с которой было собрано два урожая). Вскоре после посева пшеницы приступали к посеву овса и ячменя, в последнюю очередь сеяли гречиху. Сроки посева были чрезвычайно долгими — с конца апреля до начала июня.

На смену ветряной и капризной весне приходило короткое, но жаркое и влажное маньчжурское лето. Вспашка целины и пара приходилась на самое жаркое время лета. Пахали рано утром, пока не наступала жара, и вечером, когда становилось несколько прохладнее. На ночной сон отводилось не более четырех часов. Взрослые высыпались в полдень, ребятишки же проводили это время в реке и потом во время работы, сидя верхом на лошади, постоянно дремали.

Во второй половине июля начинался сенокос. Близкие покосы делили по количеству скота, дальние оставались вольными, т. е. косить там мог кто угодно и сколько угодно. Богатые скотовладельцы строили на дальних покосах заимки, где держали скот всю зиму. Сенокос затягивался до середины августа, пока не начиналась страда.

Хлеб убирали сноповязальными машинами, жатками, сенокосилками со специальным приспособлением для уборки хлебов. Но очень многие пользовались косами и даже серпами. Комбайнов не было и о подобных машинах имели представление только понаслышке.

В сентябре хлеб складывали в клады (скирды) прямо в поле, а в октябре начинался обмолот, который из-за отсутствия достаточного количества машин иногда затягивался до марта следующего года.

С окончанием обмолота заканчивались основные сельскохозяйственные работы. В октябре на смену теплой и тихой осени приходила суровая зима с лютыми морозами

и глубокими снегами. Зиму в Трехречье, несмотря на ее суровость, очень любили, так как это была наиболее свободная пора и знаменовалась она веселыми свадьбами с стройками и бубенцами и бесчисленными церковными праздниками, которые отмечали в течение всей недели. Особенно широко справлялись престольные праздники и освящение новых церквей. В эти дни в деревню, где проходило торжество, съезжалась масса гостей со всего Трехречья и даже из Хайлара. По деревням сохранялось еще старинное гостеприимство: знаком ты или не знаком — заходи в любой дом, нигде тебе не откажут, всюду напоят и накормят.

Говоря об экономической жизни Трехречья, нельзя не упомянуть об охоте и рыболовстве, которые носили характер подсобного промысла, но в экономике отдельных семей имели очень важное значение. Методы промысла русских охотников мало чем отличались от эвенкийских, однако по своей организации охота русских промысловиков была совершенно иной. Если эвенки промыслили зверя семьями или в одиночку, то русские (особенно в белковье) обязательно охотились артелью. Непременно артельно была и охота на изюбrey во время «рева».

Наиболее существенным с экономической точки зрения было белковье. Артель состояла из четырех-шести, а нередко семи-восьми человек и уходила в тайгу на месяц полтора. Выбирался старший, которому все члены артели обязаны были подчиняться. Из продуктов брали с собой масло, сало, соль и чай. Свежего хлеба везли в тайгу очень мало, употребляли главным образом сухари, которые в целях экономии мест во выюках предварительно дробили (толча). Старший определял маршрут охоты и, когда достигали мест белковья, распределял обязанности. Один из артельщиков кочевал с лошадьми, варил пищу и готовил ночлег. Остальные с рассветом выходили на охоту (каждый по намеченному старшим распадку) и поздно вечером возвращались к ночлегу, место которого определялось заранее. Такая охота была чрезвычайно тяжелой, ибо проходила в самые морозные месяцы. Кроме охоты за белкой приходилось гонять за сохатым, так как мясо из дома не везли, рассчитывая на удачу в лесу.

Артельщики делили между собой не пушнину, а выручку, причем поровну, независимо от того, какой охотник сколько убил. Пушнину обычно скупали японские фирмы или коммерсанты из Харбина или Хайлара.

В отличие от эвенков русские охотники широко использовали всевозможные ловушки (кулемки на хорьков, «пастушки» и петли на зайцев, капканы на волка и лисцу, пасти на козулю и т. д.). На ловлю хорьков, как и на белку, отправлялись артелями из трех-пяти человек. Нередко артель заходила далеко в тайгу и строила там охотничьи зимовье. Кулемки рубились в огромном количестве, и когда все было готово охота ограничивалась ежедневным просмотром настороженных ловушек да своевременной заготовкой «поеди» (приманки).

В таких деревнях, как Дубовая, Ключевая и Верх-Урга, осенью и зимой вылавливалось очень много тетеревов. Местные способы их лова отличались большой эффективностью, а ловушки — простотой устройства. Они были доступны даже детям. Я с раннего детства увлекался такой охотой и до сих пор не забыл устройство ловушек. Тетеревов ловили плоскими ящиками, сколоченными из тонких досок, или бердами, сплетенными из прутьев. Ловушки настораживали в поле около скирд хлеба (предварительно очистив от снега площадку и посыпав на нее зерно) или на песчаных косах по берегам рек. Нередко такой ящик, падая, накрывал сразу пять-шесть птиц, а то и больше. Для того, чтобы пойманная птица осталась живой, применяли «ящички» с высокими бортами. Если выехать специально в поле и гонять стаю тетеревов от одной скирды к другой (где насторожены ловушки), то за один день два-три охотника могли поймать более ста птиц.

Орудиями рыбной ловли были удочка, перемет, сеть, невод, острога и корчага. Корчага представляет собой специальный сосуд, сплетенный из тонких прутьев тальника. С одного его края делается круглое отверстие, стенки которого удлиняются внутрь на 10—15 см и при насторожке с внешней стороны обмазываются тестом. Корчага привязывается к длинной палке и при помощи последней укрепляется на дне реки или озера. Мелкая рыбешка заплывает внутрь сосуда, однако внутренние выступы стенок мешают ее обратному выходу, и буквально в считанные минуты корчажка наполняется рыбой.

Самым эффективным способом лова крупной рыбы в Трехречье по праву считался ез (заездок). В конце августа, когда рыба начинала спускаться вниз по реке, русло пе-

регораживали изгородью из толстых прутьев. В изгороди делались отверстия, в которые устанавливались ловушки — морды или берды. В реках Трехречья большую ценность представляют таймень, ленок и хариус. Ловили также налима, сома, чебака и карася. Уловы езом нередко бывали большими, однако и этот вид рыбной ловли носил чисто потребительский характер, так как из-за сравнительно высокой стоимости соли и отсутствия надлежащей тары засол производился в незначительных количествах. Более серьезно рыбной ловлей занимались зимой некоторые русские и китайские семьи в устье Гана. Там подледным ловом вылавливали много тайменей и сомов. Мороженую рыбу китайцы возили по деревням, меняя на пшеницу и овес.

До 1932 г., пока Маньчжурия не была провозглашена «самостоятельным» государством Маньчжоу-го во главе с императором Пу-и, в Трехречье фактически было русское самоуправление. Официальная китайская власть, неизвестно какому милитаристу принадлежавшая, была представлена немногочисленными чиновниками. Она была крайне неэффективной и свое назначение видела в своевременном сборе налогов. Китайские чиновники не назначались из центра. Это были случайные люди, как правило, с темным прошлым, которым за определенную сумму удавалось купить свою должность, и личное обогащение было основной целью всей их практической деятельности.

Резиденция китайских чиновников в первые годы их появления в Трехречье находилась в поселке Щучья. При китайцах постоянно находился представитель русского населения края, через которого формально китайцы управляли районом, фактически же никакого центрального управления не было, а вся власть была сосредоточена в руках поселковых атаманов. Сами китайцы за ворота своей резиденции выезжали редко и, как вспоминают старожилы Трехречья, их выезд знаменовался многочисленными взятками, которые беззастенчиво брали не только должностные лица, но и переводчики и кучера.

Китайские чиновники были далеки от политики. Они не препятствовали широкому расселению русских, не вмешивались в дела поселкового самоуправления, не навязывали своих обычаев и нравов. Нельзя забывать, что в то время не только Трехречье, где китайцы только появились, но и вся Внутренняя Монголия были для Китая далеким, малопонятным и неизученным краем.

С появлением в 1932 г. японской администрации Трехречье было преобразовано в Южно-Аргунскую губернию. Границы его значительно расширились. Губернатором был назначен бурят, его помощником — русский, а советником — японец, который и вершил все дела. Китайцы не были представлены в губернском управлении.

Необходимость снабжения продовольствием японских гарнизонов в Барге (в том числе в Трехречье) и поставки им строевых лошадей заставляла японскую администрацию уделять пристальное внимание развитию сельского хозяйства района. Японские торговые фирмы поставляли в Трехречье сельскохозяйственные машины и инвентарь, а также чистокровных производителей лошадей и крупного рогатого скота.

Школы в Трехречье имелись в каждой деревне, однако они могли дать только начальное образование. Единственная восьмилетняя школа находилась в Драгоценке. При школе был пансион для детей из других деревень и хорошая библиотека. Распорядок в пансионе, а в какой-то степени и в школе, походил на казарменный. В пансионе были утренние и вечерняя поверки, отпуска разрешались только в определенные дни и на строго ограниченное время.

До 1945 г. преподавание в трехреченских школах велось по программам, разработанным для русских школ Харбина, по учебникам царского времени или учебникам, составленным в Харбине. Школы в известной мере находились под влиянием церкви, преподавался закон божий. Занятия начинались с исполнения молитвы, а в праздничные дни проводилась церемония, которая включала поклонение портрету императора Маньчжоу-го, чтение императорских манифестов и исполнение сразу трех гимнов: японского, маньчжоуговского и российского. В столовой пансиона перед едой и после нее исполнялись молитвы.

В школах преподавался японский язык, а в старших классах — гражданская мораль. На этих уроках много говорилось о божественном происхождении японского императора, воспитывалось беспрекословное подчинение императорской воле, оправдывалась политика японцев во всем мире. Война, которую в то время вела Япония, называлась не иначе как священной.

И все-таки как ни были изолированы русские в Трехречье от своей родины, как ни внедрялся там культ японского и маньчжоу-го-овского императоров и богини Аматерасу, в Трехречье соблюдались обычаи глубокой старины, уклад жизни оставался таким, каким он был в Забайкалье до революции. Многие я уже не помню, но кое-что сохранилось в памяти. Например, когда сеяли коноплю, то по обычаю вместе с семенами в землю зарывали несколько яиц. Поле целиком не выжинали, а оставляли один-два квадратных метра посева «богу на бородку». Строго соблюдали великий пост, школьники все без исключения обязаны были причащаться. В рождество ходили со звездой христославщики, в святки — скоморохи. На пасху принято было христосоваться, начинались на качелях. На масленицу катались на лошадях, «брали» снежные городки. В прощенное воскресенье дети у взрослых и взрослые друг у друга просили прощенья, становясь на колени. Накануне родительского дня на ночь накрывали столы, а некоторые в сених насыпали тонкий слой муки и утром проверяли, не приходил ли родитель. В тронцу топили березку, в духов день купали и святтили лошадей. В засушливую погоду приглашали духовенство и с иконами ходили по полям.

В Трехречье до самого последнего времени широко практиковалось умыкание пшеницы.

До 1945 г., когда Трехречье было освобождено Советской Армией, только в Драгоценке был клуб — единственное культурное учреждение района. Здесь изредка шли представления художественной самодеятельности и демонстрировались японские или американские кинофильмы. Молодежь проводила вечера на посиделках и вечеринках — точно так, как это описано в известных романах К. Седых о Забайкалье. Для вечеринки у кого-нибудь из мужиков снималась на вечер изба (старались выбрать избу попросторнее). Приглашался гармонист или балалаечник (чаще последний, так как гармони были не в каждой деревне), и молодежь отплясывала до первых петухов. Иногда прямо с вечеринки ехали за сеном или дровами.

На посиделки чаще сходились замужние казачки. Там они под песни (иногда тошнотливые про родную сторону, иногда веселые казачьи) пряли на прялках или вязали чулки и свитеры. В богатые дома было принято приглашать на посиделки для выполнения какой-либо работы (своего рода «помощь»). Так, приглашали ошипывать тетерево, шинковать капусту, сортировать шерсть, пух, тереть на крахмал картошку или стряпать пельмени. Пельмени обычно делали «рабочие» (с начинкой из капусты с жирным свиным мясом) и «гостевые» (из отборного мяса со специями). В зимние вечера на посиделках те и другие пельмени готовили в огромных количествах.

Ни радио, ни электричества (кроме Драгоценки) в деревнях не было. Время коротали при керосиновых лампах или сальных светильниках. Часы имелись в редких домах, а если и имелись, то ставились наугад или по календарю (ориентируясь на указанное в нем время восхода и захода солнца). Роль часов обычно исполнял петух. Молодежь очень любила дразнить петухов, провоцируя их на несвоевременное пение.

Одежда в массе была самой простой: холщевая рубашка, холщевые штаны, летом ичиги, зимой унты или валенки. По праздникам в довоенное время молодежь и взрослые надевали гимнастерки и брюки с лампасами, на ноги — хромовые сапоги, на голову — фуражку с околышем и кокардой. Зимой носили папахи с желтым верхом.

В некоторых деревнях в зимней одежде было много эвенкийских элементов. А охотники зимой почти целиком облачались в эвенкийскую одежду. Особенно популярной у русских была эвенкийская дашка (род просторного двубортного пиджака из замши) и арамузы (ноговицы из замши). В большой моде были перчатки и рукавицы работы эвенков.

Характерной особенностью одежды жителей «низовых» деревень были нагольные тулупы и шерстяные шарфы огромных размеров. При этом жители Тулунтуя, например, этот шарф носили поверх одежды, обматывая им несколько раз шею, а потом концами подпоясывались.

Если сравнить медицинское обслуживание в современной советской деревне с медицинским обслуживанием населения Трехречья, то последнее покажется прямо-таки первобытным. Медицинские учреждения имелись только в Драгоценке, по деревням же, да и то не во всех, были полуграмотные фельдшера и повитухи. Я уже не говорю о

медикаментах, которые имелись в весьма ограниченном ассортименте и весьма низкого качества. Немудрено, что детская смертность в районе была высокой.

Переломным моментом в истории Трехречья явился 1945 г. В августе этого года в Трехречье вступили советские войска. Русское население района вскоре получило советское гражданство. Впервые в Трехречье стали поступать советские книги и периодические издания. Занятия в школах стали проводиться по программам школ РСФСР. При помощи советского командования восьмилетняя школа в Драгоценке была преобразована в среднюю. В 1947 г. эту школу окончил и автор этих строк. В деревнях стали появляться клубы и читальни.

В 1955—1956 гг. большинство русского населения Трехречья выехало в Советский Союз. По рассказам трехреченцев, недавно приехавших в СССР, русские села Трехречья сейчас заселены китайскими переселенцами. Поселения в значительной степени утратили свой прежний, русский облик.
